

Елена Вайцеховская:

«Мне нравится делать из них героев, а если получается, то в чем-то облегчат им жизнь...»

Мы сидели на кухне Елены Вайцеховской, в которой перебывало великое множество людей. Спортсменов, тренеров... И каждый со своей историей, со своей судьбой, со своими радостями или проблемами...

«А кто-то целенаправленно приезжает за вкусеньким», — подхватывает мою мысль Елена.

По этому поводу на вашем сайте я прочитала высказывание:

«Пишу я прилично, а вот готовлю по-настоящему хорошо».

Ну, это действительно так. Игорь Борисович Москвин мне однажды сказал, что кулинария для него — это всегда творчество, полет души, полет фантазии. То же самое говорил Саша Карелин, заметив, что самые лучшие повара в мире — это мужчины. Потому что для женщины готовка — это рутинная обязанность, а для мужчины — всегда творческий полет. Ну, а у меня получается, что журналистика — это работа, а творческий полет как раз на кухне. *А журналистика для вас — это все-таки профессия или хобби, которое позволяет зарабатывать?* Скажем так: это профессия, которую я не боюсь потерять. С тех самых пор, как я стала заниматься журналистикой, поскольку это совпало с отправкой младшего ребенка в детский сад. Детей было

трое, и я понимала, что в силу хотя бы количества детей я в любой момент могу оказаться в ситуации, когда должна буду бросить работу и сидеть дома. Поэтому я ужасно радовалась, когда у меня оставалось время на то, чтобы делать что-то в журналистике, но в принципе эта готовность в любой момент уйти постоянно присутствовала.

А потом жизнь сложилась так, что мои родители уехали работать за границу. И я, чтобы им там было

не очень скучно и чтобы дети выучили иностранный язык, стала по очереди детей туда отсылать — после того как каждый из них оканчивал здесь первый класс. Периодически я думала, насколько это правильно, не совершаю ли я предательства по отношению к своим детям, но приходила к тому, что, если бы они были в России, я бы работать не смогла однозначно. Потому что это были как раз времена, когда я боялась ребенка одного выпустить даже в аптеку, которая в нашем доме находилась, — мне просто было страшно. Не говоря уж о том, что в школе было постоянное вымогательство, — со стороны учителей, персонала. И в итоге я поняла, что если я нахожусь здесь одна и работаю столько, сколько могу, то моя зарплата дает мне возможность летать в Вену чуть ли не каждую неделю. *Вы как-то сказали, что журналистика — это мужская профессия. А что в ней делаете вы — в мужской профессии и в мужской газете?* А мне интересно. Вот, к примеру, можно ли заставить мужчину читать о фигурном катании? Можно, но для этого там должны быть такие вещи, которые заставят его задуматься. Нужно давать ему цифры, таблички, объяснять какие-то закономерности, чтобы он мог понять, что вообще происходит. А потом

ДОСЬЕ

ВАЙЦЕХОВСКАЯ ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА

Родилась 1 марта 1958 г.

Заслуженный мастер спорта.

Олимпийская чемпионка

1976 года по прыжкам в воду с 10-метровой вышки.

Окончила Государственный центральный институт физической культуры.

Член Международного зала спортивной славы плавания.

С 1991 г. — ведущий обозреватель газеты «Спорт-экспресс».

Неоднократно признавалась лучшим спортивным журналистом России.

Первый лауреат медали Николая Озерова (2005).

Официальный сайт — www.velena.ru

получается ведь очень интересная вещь: фигурное катание занимает в нашей жизни такую нишу, которую игнорировать просто невозможно. И представляете, каким королем чувствует себя мужчина, когда во время какого-нибудь застолья или просто разговора с женой на кухне он может ей все объяснить! И таких мужчин, оказывается, великое множество. Один из таких любителей — это первый заместитель главного редактора нашей газеты Володя Титоренко. Он обожает фигурное катание, постоянно выискивает, что еще можно придумать, звонит мне во время соревнований и ввязывает в какую-то совершенно непривычную для меня работу, которая до этого не приходила мне в голову..

Например?

Например, его идеей было составить некую идеальную модель фигуриста, то есть взять самые высокие оценки из протокола у разных спортсменов, состыковать их вместе, сложить и приблизительно увидеть, какой может быть максимальная оценка в идеальном варианте. Конечно, с точки зрения спорта это бред, но в принципе интересно.

Однажды вы сказали, что любимый вид спорта у вас — хоккей.

Это могло быть сказано мною только в одном контексте: я больше всего люблю хоккей на зимних Олимпиадах. Потому что любая зимняя Олимпиада — это хоккей. И от хоккея зависит восприятие Олимпиады в целом. Для меня по крайней мере. И, я думаю, для многих других тоже. Если мы выигрываем хоккей, вся Олимпиада воспринимается со знаком «плюс», если проигрываем, то все остальное воспринимается со знаком «минус», что бы там ни происходило. В 1980 году была Олимпиада в Лейк-Плэсиде. Так вот, остановите сто человек на улице, кто хоть как-то следит за спортом, и, я думаю, девяносто девять человек из ста скажут вам, что это была Олимпиада, где русские проиграли в хоккей американцам. А потом уже, поднапрягшись, они, может, вспомнят что-то еще. Это совершенно необыкновенный

в олимпийском ключе вид спорта, это такой ажиотаж, такие эмоции! Это нечто непередаваемое. Наверное, в моем случае сказывается еще и то, что, поскольку хоккей для меня не является обязательным видом спорта в работе, он и воспринимается мною иначе. Ведь на фигурном катании я прежде всего работаю. Фигурное катание — это вечер. Почти всегда материал идет в номер, то есть ты вынужден писать его по ходу того, как все происходит. Так было в Турине, когда в двенадцать часов ночи все заканчивалось, а в двенадцать ноль пять я должна была прислать текст в редакцию, чтобы он успел встать в номер. Это потом, задним числом, я могу вспоминать и переживать,

Готова по каждому материалу ответить, почему я написала так, а не иначе

а в момент соревнований у меня сильно заторможены эмоции, иначе я просто не смогу написать материал. *Первое ваше большое интервью было с вашим отцом (С. М. Вайцеховским, заслуженным тренером СССР по плаванию. Прим. ред.). Что было самым сложным в этом материале?*

А мы тогда были в жутком конфликте и года три вообще не разговаривали. Два абсолютно посторонних человека в квартире. Мы не здоровались, не желали друг другу доброго утра, спокойной ночи. Слишком сильно в свое время разругались. И когда мне дали это задание, я поняла, что надо что-то делать: невозможно же взять интервью, не разговаривая при этом.

Только сейчас до меня дошло, что из всех моих работ оно было самым сложным именно поэтому. У меня иногда спрашивают: как ты ухитряешься находить общий язык со спортсменами? Так вот, по срав-

нению с тем, как тогда я ломала голову, изыскивая варианты подхода к собственному отцу, все остальное не идет ни в какое сравнение.

По этому поводу совершенно четко высказался зам. главного редактора «Спорт-Экспресса» Владимир Гескин: «Если нужно куда-то обратиться, с кем-то договориться или, к примеру, взять интервью у самого Господа Бога, пробьется, договорится и возьмет».

Ну, в общем, они до сих пор берут меня на слабо. Они знают, что стоит в моем присутствии сказать в отношении какой-то работы, что это невозможно, — все... Как они любят смеяться, «у меня глаза наливаются кровью, сразу в них маячит цель — и все, можно быть уверенным, что это будет сделано». На это меня много раз брали. И всякий раз я покупаюсь и делаю.

Что, например?

Да много чего. Например, когда у Димы Сычева была дисквалификация, никто не мог разыскать ни его, ни его папу, никто не мог сделать интервью, когда он отбывал свои три месяца дисквалификации дома. А я сначала сделала с ними интервью перед заседанием дисциплинарной комиссии, а потом летала к ним в Омск.

Точно так же не разговаривал с журналистами Дима Харин, когда был вратарем сборной, и меня отправили к нему. Причем отправили с такой фразой: «Если послать мужчину, то Харин пошлет его сразу, а тебя постесняется». С Сергеем Горлуковичем та же самая ситуация — я полгода добивалась встречи с ним.

А с чего, собственно, началась моя карьера в «Советском спорте» — я с Раисой Максимовной Горбачевой сделала интервью.

Как?

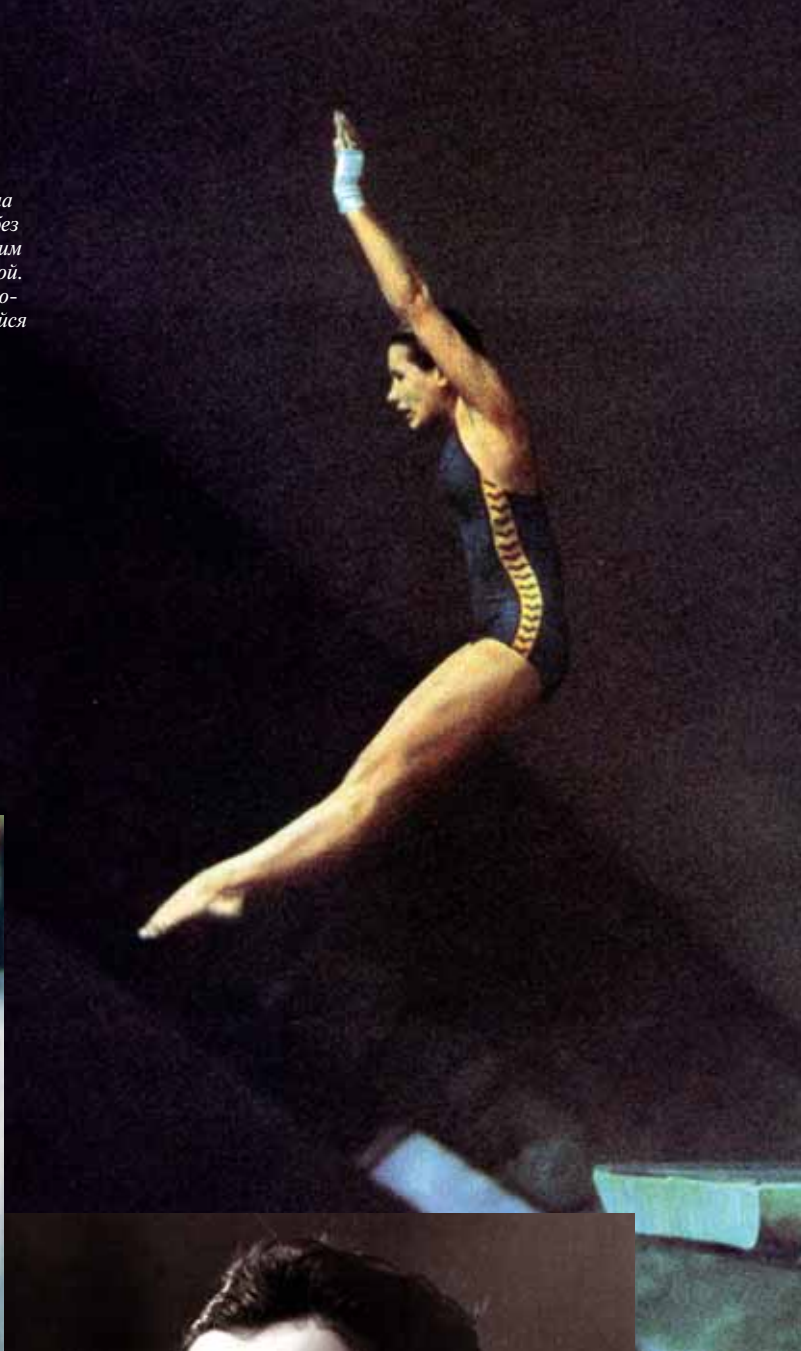
А приехал какой-то француз на лошадях из Парижа и решил этих лошадей подарить Горбачеву. Но сам Михаил Сергеевич в Битцу не приехал, а приехала Раиса Максимовна. Я ухитрилась вклиниться между Раисой Максимовной с этим французом и ее охраной, и пока охрана пыталась воссоединиться со своей хозяйкой, я взяла у нее

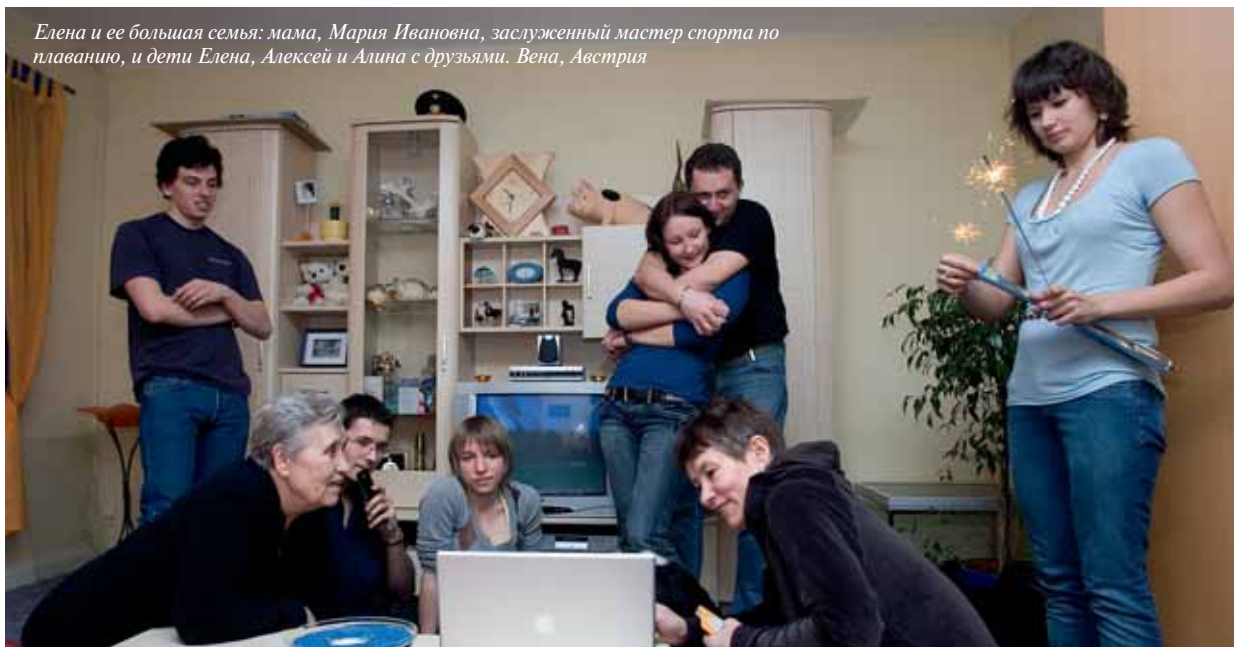
интервью. Причем это было интервью достаточно смешное, такое женско-житейское. Мы разговаривали о том, как тяжело следить за весом, о каких-то собачках-птичках, которые живут у нее дома, о ее попытках когда-то ездить на лошадях.

По-моему, у вас на сайте его нет.

У меня оно есть в отсканированном виде — мне его прислал кто-то из моих читателей. С этим материалом связана еще одна история. Я много ездила на всевозможные соревнования по линии спорткомитета как переводчик. А главный редактор «Советского спорта» Валерий Георгиевич Кудрявцев был этим очень недоволен. И в какой-то момент его это стало так напрягать, что он сказал: если я приеду на Игры

На Олимпиаду в Монреаль Елена приехала одна, без тренера, третьим номером в сборной. И выиграла «золото» у считавшейся непобедимой шведки Ульрики Кнапе

Елена и ее большая семья: мама, Мария Ивановна, заслуженный мастер спорта по плаванию, и дети Елена, Алексей и Алина с друзьями. Вена, Австрия

доброй воли в Сизэтл, то могу сразу писать заявление об увольнении. А я должна была ехать туда с группой спортсменов-олимпийцев и совершенно не знала, что делать. Я советовалась со всеми в редакции. Мне говорили: «Ну, мать, реши сама: либо ты едешь и ведешь там партизанский образ жизни, потому что никто не гарантирует, что ты не вылетишь с работы, если он тебя там увидит, либо остаешься в Москве». А кончилось это дело тем, что Кудрявцев улетел в Сизэтл, позвонил оттуда в Москву, а его заместитель ему говорит: «Вайцеховская сделала интервью с Раисой Максимовной. Уже звонили из Кремля и благодарили». Он говорит: «Ой, вот бы посмотреть!» И ему сказали: «Вайцеховская завтра прилетит и тебе газету привезет». Больше о конфликте никто не вспоминал.

А было так, что что-то не получалось?

Конечно, сколько угодно. Самый анекдотичный был момент, когда я делала интервью с Артемом Тарасовым. Это тот самый Артем Тарасов, который был знаменит тем, что, будучи членом ЦК КПСС, заплатил членский взнос в размере 90 000 рублей, что составляло три процента от его официальной зарплаты. Это один из самых первых наших олигархов в полном смыс-

ле этого слова. Одно время он имел какое-то отношение к шахматной федерации, и по просьбе редакции мне надо было сделать с ним интервью. Мы с ним проговорили два часа. Это была целая сторона большой кассеты, записанная на медленной скорости. Мне разговор настолько понравился, что я перемотала его в самое начало, чтобы, приехав на работу, сразу начать его расшифровывать, кинула диктофон в сумку и помчалась в офис. Но сверху я положила бумажник, который случайно нажал кнопку записи... И к тому времени, как я приехала на работу, на кассете было два часа шипения. У меня был шок. Во-первых, я понимала, что такой разговор по памяти не восстановишь, а во-вторых, одна только мысль о том, что надо снова позвонить Тарасову в Лондон, обо всем рассказать и попросить повторить все заново... Ну, в общем, я поняла, что надо все-таки признавать свои ошибки, собралась и позвонила. При этом я сама себе сказала: «По телефону он тебя не убьет». Я объяснила ему ситуацию и сказала: «Единственное, что я могу вам гарантировать, — что я уложусь в час». И вдруг он мне говорит: «Лен, нет никаких проблем. У меня как раз сейчас есть время, только давайте

вам перезвоню, чтобы вы не тратили деньги». Он мне перезвонил, и мы проговорили еще три часа.

Обидно было другое. Вскоре что-то случилось между ним и человеком, который имел право решающего голоса у нас в редакции. И мне было сказано, что никакого интервью не будет. Вот этот момент я переживаю до сих пор. Во-первых, я жалею, что не сохранила запись — я ее со злости сразу же уничтожила. Дура абсолютная, потому что разговор был безумно интересным, обо всем: о жизни, о спорте, о шахматах. Человек меня обаял с ног до головы. И во-вторых, переживаю о том, что интервью не вышло. Надо разыскать его и извиниться, хотя прошло уже лет десять.

Елена, скажите, когда вы на соревнованиях, кто вы больше — сидя на трибуне, стоя в микст-зоне — журналист, бывший спортсмен или болельщик?

Я не болельщик однозначно. Вообще. Я могу переживать за каких-то конкретных людей, которые мне близки, симпатичны, но в процессе соревнования я абсолютно не болельщик. Если близкий мне человек делает какую-то ошибку и проигрывает, мне его жалко, особенно когда бывают очень уж болезненные проигрыши, но в принципе

я всегда стараюсь объяснить, в том числе и ему самому, почему он проиграл.

Как бывший спортсмен...

Скажем так: когда я смотрю прыжки в воду, у меня до сих пор нужные мышцы напрягаются и болят после соревнований. Так же и в фигурном катании: когда ты смотришь и понимаешь, что сейчас будет неудачное приземление, то реагируешь, как спортсмен, — на уровне физиологии.

Что касается журналиста...

С развитием Интернета и появлением огромного количества изданий сейчас столько людей считают себя журналистами, что иногда я ловлю себя на мысли, что представляться журналистом уже просто неприлично становится. Уровень профессии, в том числе и ее моральные принципы, упал до такой степени, что люди зачастую готовы абсолютно на все, лишь бы выдать какую-то сенсацию или скандал. И поскольку у таких людей очень высокая активность, то нормальные журналисты, люди со своими принципами, с уважением относящиеся к профессии, на этом фоне теряются. Да, я сказала, что для меня журналистика — это профессия, которую я не боюсь потерять, но тем не менее это моя работа, которой я занимаюсь двадцать лет. И двадцать лет для меня было принципиальным такое понятие, как репутация. А сейчас я понимаю, что моя репутация рухнет независимо от меня: достаточно произнести фразу «я журналист» — и все... Это больно. Это неприятно. И поэтому в моем сознании отсутствует такое понятие, как корпоративная солидарность. А принципы, которым меня учили и которыми я всю жизнь руководствовалась, которые во многом, кстати, идут от спорта, от спортивного взгляда на эту профессию, остались. Я отвечаю за свои статьи. У меня на сайте выложены абсолютно все материалы, которые я написала за свою жизнь, ну, может, за редким исключением. Как хорошие, так и плохие. Есть материалы, за ко-

торые мне было очень стыдно, но тем не менее готова по каждому из них ответить, почему я написала так, а не иначе.

За какие стыдно? Бывали случаи, когда я приезжала на соревнования, не имея возможности подготовиться. Был случай с биатлоном, когда послали меня только по той причине, что у меня была виза. Я приехала на соревнования в три часа дня, когда начиналась гонка, в пять она заканчивалась, а в шесть мне надо было передать репортаж. При этом я впервые в жизни видела биатлон, не имела ни малейшего понятия, что там и как происходит, не понимала правил, не умела читать протокол. И в этом абсолютно ошалевшем состоянии я должна была сдать ма-

Спорт забирает человека целиком и совершенно не готовит его к другой жизни

териал на полполосы. Как-то я его написала, но было очень стыдно. *А что было в итоге?*

В итоге мне перемыли кости на всех биатлонных форумах. Обидно было ужасно, потому что понимаешь, что тебе моют кости совершенно заслуженно, но в то же время знаешь, что у тебя не было ни малейшего шанса сделать по-другому. Но ты же не будешь это объяснять. Это как травма: если у тебя травма, ты либо на старт не выходи, либо не жалуйся. Так же и здесь. Но зато до следующего репортажа у меня были сутки, и этих суток мне вполне хватило, чтобы подготовиться.

Чья судьба вас больше всего тронула?

В спорте вообще такие судьбы, которые достаточно нетривиальны. Из трагических — это, безусловно, Лена Мухина. Гимнастка, которая в девятнадцать лет слома-

ла себе шею и после этого двадцать шесть лет была абсолютно парализована. А быть абсолютно парализованным человеком в нашей стране — это испытание, которое не пожелаешь и врагу.

Был такой фристайлист Сережа Шуплецов. Я помню, как мы летели вместе из Лиллехаммера, и он в самолете продавал свою олимпийскую медаль. Я у него тогда спросила (до сих пор голос дрожит): «Сережа, что ты делаешь?» — Он говорит: «Деньги нужны». Это страшно. Человек выиграл медаль — это самое дорогое, что у него есть в жизни, — и тут же ее продает. Вообще трагических фигур очень много. Всем очень тяжело после спорта бывает. Все, как правило, пытаются найти какую-то поддержку, но очень редко ее находят. Потому что спорт — это такая штука: ты всем нужен, только когда ты первый. А когда ты не первый, то все твои проблемы становятся только твоими проблемами. А главное, спорт забирает человека целиком и совершенно не готовит его к другой жизни.

Но ведь спортсмены — это люди с сильной волей, с сильным характером, с постоянным стремлением к победе...

А все это заканчивается... Спорт требует постоянного и очень сильного напряжения определенных качеств, в том числе и нервных, а постоянно находиться в таком состоянии человеческий организм не может. И рано или поздно наступит момент, когда ты просыпаешься и понимаешь: все. У борцов есть такое выражение: «Пустой стал».

Ну, а ваш пример? Ведь вы не потерялись, нашли себя в этой жизни вне спорта.

А что — мой пример? Меня выкинули из спорта в двадцать два года. Причем было это сделано, мягко говоря, не по спортивному принципу. Какое-то время я порывалась погоревала, а сейчас безумно благодарна людям, которые приняли тогда такое решение. В двадцать два года я осталась не у дел, никому не нужна, но у меня при этом были силы, была нервная

энергия, было желание чему-то научиться. То есть, конечно, сначала никакого желания не было, потому что я страдала. А потом я начала учить язык, еще чем-то заниматься. У меня было достаточно много энергии, которую нужно было куда-то вкладывать. Но я совершенно не уверена, что у меня эти силы остались бы, если бы я ушла из спорта в тридцать лет.

То есть все хорошо в меру и вовремя...

Ну, естественно. Не зря же говорят, что самые выдающиеся тренеры получают из спортсменов, которые либо получили травму, либо по каким-то другим причинам не реализовались в спорте. Взять даже Татьяну Анатольевну Тарасову. Я более чем уверена, что ее тренерская гениальность реализовалась только благодаря тому, что в восемнадцать лет она получила травму, несовместимую со спортом.

И что вся эта энергия пошла в другое русло. Так и у меня, наверное. **Получается, в любом случае все зависит от человека? Либо ты опускаешь крылья, либо прешь дальше.**

Не только. Многое зависит от обстоятельств. Потому что, если бы я пришла в «Советский спорт» и мне не встретились те люди, которые мне встретились, совершен-

но не факт, что я бы стала заниматься журналистикой. Я все-таки считаю, что первостепенное — это стечение обстоятельств, и жизнь в основном зависит от того, какие люди и на каком жизненном этапе тебе встретятся. Я буквально недавно доделывала одну из глав для новой книжки и открыла свое интервью с Алексеем Николаевичем Мишиным. И он там приводит пример из этой же серии: «Если бы, допустим, Ирина Роднина родилась не в Москве, а, к примеру, в Улан-Удэ, и попала не к Станиславу Жуку в ЦСКА, а в секцию при школьном кружке — она бы стала такой великой Ириной Родниной? Да нет, конечно! Поэтому вся наша жизнь — это стечение обстоятельств».

Но, с другой стороны, жизнь дает шанс абсолютно каждому, но далеко не каждый умеет этот шанс использовать. Один человек за него цепляется, а второй говорит: «Все равно не получится» —

Жизнь дает шанс абсолютно каждому, но не каждый умеет этот шанс использовать

и даже не пытается ничего делать. И таких большинство.

Вспоминаются при этом слова вашего отца: «Сдавшихся в жизни больше, чем проигравших».

Да, поэтому и себя, и детей своих, и спортсменов, которые мне близки и дороги, всегда учу именно этому: если тебе дали шанс, то попытайся его использовать. Потому что страшно ведь не когда что-то не получается, а когда ты сам пальцем не пошевелил, чтобы получилось. У меня была знакомая, совершенно потрясающая женщина. Ей было уже восемьдесят лет, и однажды она мне сказала: «Леночка, когда человек умирает или по крайней мере близко подходит к смерти, он никогда не вспоминает то, что он сделал. Он вспоминает то, от чего он отказался».

А есть люди, с которыми вы не общались, но с которыми вам хотелось бы сделать интервью?

Да сколько угодно. Просто не всегда это получается. Во-первых, потому что эти люди могут быть из того вида спорта, с которым я не пересекаюсь. Например, мне ужасно хотелось бы сделать интервью с хоккеистом Пашей Дацюком, но на чемпионате мира после поражения, естественно, никакого разговора не получилось бы. То есть человек тебе, может, и не откажет, но разговора не получится.

А чем он вам интересен?

А я не знаю. Я смотрела на него на чемпионате и понимала, что он другой. Он умный. Он очень мне симпатичен в игре, в своей профессиональной деятельности.

Какая Олимпиада была для вас самой сложной?

Если рассуждать с позиции «эмоции минус», то Ванкувер. Потому что это ужасно, когда все проигрываешь. А в плане работы — физически — Лиллехаммер, потому что я была там одна. Я писала приблизительно по полторы больших газетных полосы в день. Сейчас я совершенно не представляю, как ту Олимпиаду выдержала. К примеру, соревнования по фигурному катанию проходили в трех часах езды от

Лиллехаммера. Уезжала я оттуда на последнем автобусе, который шел, по-моему, в два тридцать ночи, а в десять утра мне нужно было быть на лыжном стадионе. Я успевала писать все репортажи, но это был, наверное, энтузиазм человека, который давно мечтал попасть на зимнюю Олимпиаду. И попал...

Что для вас лучший отдых?

Дома сидеть. Плюшки печь. Я вообще люблю по дому возиться, заниматься какими-то хозяйственными делами. Просто не так часто есть возможность. Иногда для меня лучший отдых, когда я могу целый день не вылезать из кровати. Мне хорошо думать в таком состоянии. Я таскаю себе в кровать книжки, компьютер, смотрю телевизор...

А есть среди ваших материалов или героев любимые?

Конечно, есть. Люблю я их всех — ну, или почти всех. Мне нравится делать из них героев, а если получается, то и в чем-то облегчать им жизнь. Они такие маленькие, даже когда большие, такие беспомощные, такие уязвимые, что всегда хочется, чтобы у них не было тех проблем, которые были у тебя. Сколько раз я старалась от чего-то предостеречь, когда знала, какие будут последствия... Они становятся не то что родными людьми, но людьми, ради которых я пожертвую какими-то своими делами, если я могу им как-то в чем-то помочь.

А в плане материалов всегда нравятся те, в которые вложено много сил. Например, когда я в 1996 году написала первый материал о допинге, это был взгляд на допинг, который был совершенно не принят в нашей стране: что допинг — это не зло, а необходимость. Информация для этого материала добывалась достаточно партизанскими методами, и я очень гордилась им. Он до сих пор очень хороший. Хотя уже прошло тринадцать лет.

Может ли журналистка быть объективной?

Нет. Никогда. Как не может быть объективным никакой человек. Это абсолютно исключено. Требо-

вание, что журналист должен быть объективным, — это чушь. Журналист может быть интересен только своей точкой зрения. Говоря в данном случае «журналист», я имею в виду человека, который дорос уже до того уровня, когда его точка зрения может быть интересной. И дело даже не в том, что у него могут быть какие-то симпатии-антипатии, а в том, что у него свой взгляд на определенные вещи.

С кем вы дружите? Из спортсменов, из тренеров?

Те люди, с которыми у меня по-настоящему близкие отношения, — они не из спортивной среды. В этом кругу нет ни спортсменов, ни тренеров. Единственный человек, который имеет отношение к спорту, — спортивный хирург. Все-таки надо разделять профессию и жизнь. Но если человек мне звонит и говорит: «Я не знаю, как быть, и хочу с вами посоветоваться» — да в любой момент, хоть днем, хоть ночью приезжай. Я просто по себе знаю, как нужна иногда элементарная возможность выговориться. А раз звонят, значит, доверяют, наверное.

Может ли спорт сделать человека счастливым?

Не думаю. Счастье — это же такая непрочная категория. Удачно купила в магазине платье своего размера — и вот оно, счастье. Выиграл соревнования — счастье. Но так, чтобы это распространялось на всю дальнейшую жизнь, — это вряд ли. Хотя да, есть люди, которые живут воспоминаниями о том, что они совершили когда-то. Они когда-то выиграли одну или пять медалей на Олимпийских играх, а все последующее время рассказывают, как они это выиграли. Даже если это было шестьдесят лет назад. Я знаю таких людей. И это достаточно тяжелая картина. А в принципе понятие «счастье» очень сильно зависит от взгляда человека на это самое счастье. По моему глубокому убеждению, в абсолютно любой жизненной ситуации, даже самой поганой, можно найти плюсы. И когда ты понимаешь, что ты их извлек, это тоже своего рода счастье.

За время нашего разговора Елена успела испечь на ужин вкуснейшие рогалики, пожарить на сковороде рыбу и переглядеть рубашки. И как это она все успевает?

Когда я училась в английской спецшколе, папа однажды предложил: «Давай проведем эксперимент: выясним, сколько времени ты делаешь уроки». Он засекал время и прохронометрировал все мои действия. Оказалось, что уроки я делала два с половиной часа. Но за это время полчаса я ела, два раза отходила на десять минут попить чаю, потом по дороге застряла с книжкой в туалете. В итоге получилось, что в чистом виде на уроки у меня ушло всего сорок минут. И когда до меня дошло, куда девается время, — с того самого момента я никогда не тратила на уроки больше сорока минут. Более того, все устные предметы я научилась делать в метро. И когда приходила домой, у меня оставались только письменные задания.

Я почти никогда не смотрю телевизор, сидя на диване. Допустим, когда мне надо убрать квартиру, я смотрю, что идет по телевизору, нахожу пару фильмов, которые хочу посмотреть. Все фильмы перебиваются десятиминутными рекламами. Десять минут — это вагон времени. За десять минут я успеваю полностью пропылесосить целую комнату, вытереть там пыль, все разложить. Соответственно четыре или пять рекламных пауз — и у меня квартира блестит. При этом я ничего не теряю и, главное, у меня нет ощущения загнанности.

Когда у меня есть возможность повалять дурака, я умею это делать фантастически — так талантливо, что мне даже самой нравится. Но когда мне надо сделать все в сжатые сроки, с этим никогда нет проблем. То же самое и с работой в газете. Я могу целую неделю ходить, обдумывать материал, а потом сесть — и написать за два часа.

...А еще мне посчастливилось отведать знаменитый Еленин борщ. Невероятно вкусно, скажу я вам!

Елена Семикова